

РУБИ ДИКСОН

18+

ЛЮБОВЬ ВАРВАРА

Международный феномен романтической фантастики

Ромэнтэзи

Руби Диксон
Любовь варвара

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

Диксон Р.

Любовь варвара / Р. Диксон — «Издательство АСТ»,
2015 — (Ромэнтэзи)

ISBN 978-5-17-146642-8

Как одна из немногих людей, оказавшихся на ледяной планете, я должна быть счастлива, что у меня есть новый дом. Здесь ценят человеческих женщин... И один инопланетянин ясно дал понять, что хочет меня. Трудно оттолкнуть сексуального, кокетливого Аехако, когда все, чего я хочу, — это схватить его за рога и настоять, чтобы он отвел меня к себе. Но у меня есть ужасный секрет... Инопланетяне, которые похитили меня, вернулись, и благодаря переводчику в моем ухе они могут найти меня. Мое присутствие здесь подвергает опасности всех. Но могу ли я отказаться от своей новой жизни и мужчины, с которым хочу быть больше всего на свете?

УДК 821.111-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-146642-8

© Диксон Р., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Руби Диксон

Любовь варвара

Copyright © Ruby Dixon, 2015

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Перченко Н., иллюстрация на обложке

© Павлушкина Юлия, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

КИРА

До меня доносятся влажные звуки секса и женский стон.

– О боже, да, вот так, – стонет Нора через две пещеры от меня. – Отшлепай меня вот так.

Легкий шлепок эхом отдается в моем наушнике, и я со стоном прикрываю ненавистную штуковину обеими руками. Перевернувшись на бок, пытаюсь вдавить его в подушку, которую сделала из обрезков меха, но лишь сильнее загоняю переводчик в ухо, и это отдается острой болью в голове. Снова переворачиваюсь на спину и пялюсь в потолок женской пещеры.

– Вот так, мой большой, сильный, сексуальный зверь, – не унимается Нора.

– Ннннгтггххх, – отвечает ее большой, сильный, сексуальный зверь (также известный как Дагеш). В придачу ко всему до меня доносится женский смешок, а затем Стейси и Пашов, которые делят пещеру с Норой и Дагешом, тоже принимают за дело.

Фуу.

Ненавижу этот наушник! Ненавижу, ненавижу, ненавижу... Прижимаю подушку к лицу, не обращая внимания на то, что мех липнет ко рту. Все было бы не так уж плохо, если бы гадкая штукovina просто транслировала перевод разговора, так нет же, она усиливает звуки. Я слышу каждый шлепок по заднице, каждый стон, каждый всхлип, каждый поцелуй... все.

А племенные пещеры в последнее время битком набиты парочками, занимающимися сексом. Нам, людям, которые потерпели крушение космического корабля, пришлось столкнуться на этой планете с тем, что местные называют кхуйи. Это симбионт, позволяющий теплокровным жить и дышать здешним токсичным воздухом. Правда, одним из побочных эффектов кхуйи является то, что оно решает, с кем и когда вам спариваться; и от этого никуда не деться.

Учитывая, что в местном племени са-кхуйи мужчин вчетверо больше, чем женщин, я не удивлена, что новые пары сложились так быстро. Из двенадцати, выживших после крушения девушек, шестеро обрели партнеров.

Я не из их числа...

Время от времени я чувствую себя отвергнутой из-за того, что мое кхуйи молчит. Ведь, найдя идеальную пару, оно начинает вибрировать. Это чем-то напоминает смесь мурчания и песни. Са-кхуйи называют это «резонансом», мужчина резонирует только для своей женщины, и наоборот. Новые смешанные пары блаженно счастливы, несмотря на то, что образовались так быстро. Джорджи обожает своего инопланетника, Вектала – вождя племени. Моя подруга Лиз яростно защищает своего партнера, Раахоша. Стейси, Марлен и даже вечно плачущая и напуганная Ариана любят своих мужчин. Очевидно, что и Нора влюблена в своего инопланетника, если звуки страстной порки можно расценить как доказательство любви.

Всех «оставшихся» или «незамужних» девушек поселили вместе в одну пещеру. Мне посчастливилось заполучить укромный уголок с занавеской. Не то чтобы она сильно приглушала звуки. Я слышу все, что происходит... например, как кто-то тайком выходит повидаться с парнем, что прямо сейчас проделявает Клэр.

Клэр – девушка из капсулы, поэтому я не знакома с ней настолько хорошо, как с другими. После похищения пришельцы поместили некоторых из нас в капсулы сна в стене, и они спали, не зная о происходящем. Остальных – Лиз, Джорджи, меня и еще несколько человек – закинули, как животных, в грязный, тесный грузовой отсек, где мы жили неделями. Оказавшись в беде, мы сблизились, и теперь мне не хватает моих подруг.

Я не знаю Клэр так хорошо, как знаю их. У меня не было возможности узнать ее за те недели, когда мы обнимались с остальными, чтобы согреться, и топили снег, чтобы утолить жажду. В каком-то смысле я даже обижаюсь на девушек из капсул за то, что им было легко, в

то время как мы едва выживали. В этом нет их вины, они так же потрясены и травмированы похищением, как и мы. Вот только нам пришлось страдать дольше.

Я мысленно представляю Клэр. Она хорошенькая, с пушистой копной мягких белокурых волос, которая идеально обрамляет ее маленькое эльфийское личико. Она очень тихая, не склонна рыдать, как Ариана, и она не нашла ни в ком отклика.

Ума не приложу, почему она пробирается тайком, чтобы трахнуть одного из инопланетников. Не знаю, какого именно, но меня это беспокоит. Может, на нее надавили? Заставили поверить, что она должна отдаться, чтобы быть в безопасности? Неужели одинокие мужчины здесь настолько прямолинейны, что девушки до такой степени боятся им отказать?

Я делаю мысленную заметку поговорить с ней утром, ощущая ответственность за всех подруг. Я была первой, кого закинули в грузовой отсек, а не в капсулу, поэтому чувствую себя самой старшей. Несмотря на то что Джорджи – неофициальный лидер, я стала мамой нашим девочкам и беспокоюсь, что ими могут воспользоваться. Хотя племя Вектала и приняло нас с распростертыми объятиями, мы все еще малознакомы с их обычаями и их миром. Осторожность не повредит.

Когда снова раздаются звуки секса, я прижимаю подушку к переводчику, пытаюсь приглушить звук, и жду, пока все заснут.

Мне не удавалось заснуть допоздна. С трудом проснувшись, я зеваю и тру затуманенные глаза. Ухо, с хирургически вживленным переводчиком, болит от того, что на него давили всю ночь. Чувствую себя уставшей. Выбравшись из кровати, иду к костру в центре женской пещеры. Меган ковыряется палкой в огне, а Клэр поджаривает кусочки сырого мяса. На этой ледяной планете овощей не так уж много, поэтому наш рацион состоит из мяса, рыбы и снова мяса. Единственные известные нам ягоды используют для мытья. На складе есть толченая каша, которую берегут для дорожных пайков, и травы для чая. В остальном это мясо, мясо, мясо. Иногда сырое, иногда прожаренное, в зависимости от ваших вкусовых предпочтений. Лиз ест его сырым, как охотники, но я не могу заставить себя даже попробовать. У меня кишка тонка.

Я подсаживаюсь к Клэр, поджимая ноги.

– Доброе утро.

– Я почти уверена, что сейчас уже полдень, – замечает Меган. Она пристально рассматривает горящий кончик своей палки, а затем снова сует ее в огонь. Меган обычно довольно позитивна, всегда найдет ободряющие слова, какой бы безнадежной ни была ситуация. Но, с тех пор, как мы поселились в племенных пещерах, она стала... замкнутой. Тихой.

Я беспокоюсь за нее.

Клэр молча дает мне палку и большую каменную тарелку с кусками сырого мяса. Осторожно накалываю несколько кусочков, чтобы позавтракать, а затем держу их над огнем.

– Ты голодна, Мэг? – интересуюсь я.

– Меган съела его сырым, – шепчет Клэр.

Меган слабо улыбается мне.

– У тебя желудок крепче, чем у меня, – я не гожусь в вожатые нашего женского отряда.

– Мясо становится безвкусным после обжарки, – отвечает Меган и снова тычет палкой в огонь.

В каком-то смысле она права. Кхуйи изменило некоторые аспекты нашей физиологии. Запахи притупились, что неплохо, учитывая, что пещера построена вокруг горячего источника с запахом серы. Вкус тоже стал менее интенсивным. Все са-кхуйи едят мясо сырым, а их дорожные пайки обильно приправлены специями. Кто-то из нас уже приспособился, кто-то еще нет.

Я вращаю свой шашлык над огнем.

– Аехако заходил сегодня утром, – сообщает Меган, ворочая палкой угли.

– Меня не интересует Аехако, – многозначительно отвечаю я, а затем откусываю кусочек своего завтрака.

– А ты его интересуешь, – она смотрит на меня. – Если бы вы с ним сошлись, у тебя бы, по крайней мере, была своя собственная пещера.

– Я не резонировала с ним, – хмурюсь я.

– Это не означает, что вы не можете встречаться, – серьезно заявляет Меган.

Я в шоке.

– Не собираюсь я спать с парнем только для того, чтобы перебраться в отдельную пещеру. Кроме того, куда нам идти? Свободных пещер больше нет! – я жестом указываю вокруг. – Люди и так спят в кладовых, как эта.

Меган пожимает плечами:

– Возможно, не так уж и плохо иметь здесь парня, который присмотрит за тобой, как Вектал присматривает за Джорджи. К тому же Аехако милый.

Я чувствую, как заливаюсь краской от смущения. Аехако очень мил и красив для инопланетника, любит пофлиртовать. Но... между нами нет резонанса, так что все это не имеет значения. Она думает, что Вектал защищает Джорджи, но Джорджи способна и сама за себя постоять.

Хотя это не важно, потому что они нашли отклик друг в друге. Теперь они пара не разлей вода, и Джорджи беременна.

Клэр хранит молчание во время нашего с Меган разговора, но тема мужчин дает мне возможность завести с ней беседу. Проглатываю еще один кусок обжаренного безвкусного мяса и многозначительно смотрю на Меган, намекая ей уйти на пару минут. Она встает и направляется к своей постели, кутается там в меха и отворачивается к стене. Думаю, мне придется поговорить и об этом тоже. Скоро.

Я касаюсь руки Клэр:

– Мы можем поговорить?

На ее эльфоподобном личике появляется настороженный взгляд. Она кивает.

Я указываю на переводчик, торчащий из моего уха. Он чем-то похож на металлическую ракушку, которая выпирает наружу.

– Я ведь рассказывала тебе, как он работает, верно?

Клэр снова кивает.

– А я упоминала, что он также позволяет мне слышать то, чего не услышал бы обычный человек?

– Например?... – шепчет она.

Я наклоняюсь:

– Например, как девушки по ночам ходят в гости к мужчинам, которые не являются их резонансными партнерами.

Лицо Клэр заливается румянцем, она вскакивает на ноги.

– Ты возомнила себя моей мамой?

– Что? Я... нет! Я лишь...

– Я уже взрослая, – злится она, сжимая кулаки, на мгновение мне кажется, что собирается меня ударить. Я настолько удивлена ее гневом, что просто остолбенела. – Знаешь, я могу заниматься сексом ради секса. Я могу делать все, что захочу. И ты уж извини, если я пытаюсь найти хоть какое-то утешение в этой гребаной безвыходной ситуации!

– Клэр, прошу тебя, я просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке. Что никто тебя не принуждает...

– Не все такие заносчивые ханжи, как ты, – фыркает она, затем бросает свое приготовленное, но так и не съеденное мясо в огонь и ураганом вылетает из пещеры.

Я остаюсь сидеть с открытым ртом, пораженная произошедшим. Вот это да. Мои чувства, конечно, задеты, но еще больше я шокирована вспышкой гнева от такого маленького, робкого человека.

Не все из нас такие высокомерные ханжи, как ты.

Ой-ой.

– Хорошо поговорили, – комментирует Меган, переворачиваясь в постели, чтобы посмотреть на меня.

– Что с ней творится?

– То же, что со всеми нами, отвергнутыми. Она просто пытается найти свое место.

Ее слова меня задевают:

– Мы не отвергнутые.

Меган пожимает плечами:

– Мы не резонируем, из-за этого невольно почувствуешь себя отвергнутой.

Я тоже чувствовала... но я знаю, почему до сих пор не испытала резонанс.

– Не расстраивайся, – пытаюсь ее успокоить. – Если ты хочешь семью, уверена, в какой-то момент ты ее обретешь. Целительница сказала, что порой такие вещи требуют времени.

Хорошее оправдание для окружающих, почему я тоже не нашла отклик, но эти мысли лучше держать при себе.

Она тихонько фыркает:

– Я знаю, почему не резонирую, Кира. Не стоит пытаться подбодрить меня.

– Что ты имеешь в виду?

Она садится в своем меховом гнезде, и на мгновение выражение ее лица становится невероятно печальным.

– Я была беременна, помнишь? – ее рука касается живота. – Они высосали из меня ребенка, как ни в чем не бывало. И пусть это была незапланированная беременность, дурацкая ночь в клубе, которая привела к сексу по пьяни. Я даже имени того парня не знаю.

Я молчу. Могу ли я ее осуждать? Кажется, что наша прошлая беззаботная жизнь была так давно...

– Но я все еще думаю о том ребенке, – тихо говорит она. – Я все еще его вспоминаю. – Меган на мгновение отводит взгляд, а затем быстро моргает. – Возможно, кхуйи знает, что мое тело еще не готово к другому ребенку. Возможно, оно дает мне время, прежде чем вернуть в строй.

– Ох, – не знаю, что и сказать.

– А у Джози установлена внутриматочная спираль, – продолжает Меган. – Думаю, именно поэтому она не резонирует. Возможно, другие девочки тоже прибегали к каким-либо способам контрацепции. Я начинаю думать, что все те, кто не нашел отклика, просто не способны зачать. – Она смотрит на меня: – Ты тоже?

Я качаю головой.

– Хм, – Меган пожимает плечами, – Джози не говорит об этом, но она боится, что кто-нибудь узнает, что она не может забеременеть. Неизвестно, как отреагируют са-кхуйи. И я не могу винить ее за то, что она пытается найти свое место в племени.

Не знаю, что сказать. Джози надрывалась до изнеможения, пытаясь научиться выделывать шкуры, плести корзины, готовить, и всему остальному, что только приходило ей в голову. Я думала, что так она борется со стрессом. Бог мой... Я и правда ничего не замечаю вокруг. Конечно же, она напугана, как и все мы.

Инопланетники заинтересованы в нас только из-за того, что мы можем дать. Мы – инкубаторы. Мы – их шанс на семью. Если мы не можем дать им это... возможно, в какой момент они перестанут нас кормить? Перестанут давать нам крышу над головой?

Внезапно стены пещеры начинают давить на меня. Я задыхаюсь.

– Думаю... мне нужно прогуляться, – говорю я Меган. Я должна выбраться отсюда. Снова начинает накрывать чувство безысходности. Стены будто надвигаются. Неужели мы променяли один плен на другой?

Что они сделают, когда узнают, что я бесплодна? Что в детстве у меня лопнул аппендикс, инфекция поразила яичники, и я никогда не смогу иметь детей?

Что же со мной будет?

АЕХАКО

Я вижу маленькую фигурку Киры, выбегающую из пещеры, и инстинктивно следую за ней, как хищник, преследующий свою жертву.

Она очаровала меня с первого взгляда, эта Кира. С тех пор как мы спасли людей из черной пещеры, в которой они прятались, меня стало тянуть к человеку с грустными глазами и странным устройством, торчащим из уха. Я надеялся, что найду в ней отклик, но мое кхуйи молчит.

Мой член, однако, не упускает ее из виду. Он оживает, когда она заправляет прядь каштановых волос за свое маленькое, идеальное, ничем не украшенное ухо. Он подергивается, когда она дарит одну из своих редких улыбок другим человеческим женщинам. А когда она краснеет и в спешке убегает от меня? Это будит во мне хищника.

Я хочу выследить Киру и прижать к себе. Толкнуть в снег и трахать до тех пор, пока мое имя не слетит с ее губ.

Но она не уступает мне. Возможно, это человеческий обычай. Я ясно дал понять, что заинтересован в этом конкретном человеке, но она игнорирует любые мои попытки привлечь внимание. Она редко бывает одна, всегда окружая себя другими людьми. Пожалуй, сейчас мой единственный шанс сделать ей тот подарок в знак ухаживания, о котором говорила ее подруга Лиз.

Бегу обратно к своей постели, чтобы взять предмет, который я выстрогал. Подарю его женщине, и она поймет мою заинтересованность. Хочу увидеть выражение ее лица. Хочу увидеть, как ее мягкий, маленький человеческий рот приоткрывается от удивления. Хочу прикоснуться к гладкому лбу и узнать, в каких еще местах она гладкая.

Хочу коснуться того третьего соска между ног, который, по словам Вектала, есть у его пары. Он рассказывал, что это заставляет его Джорджи визжать. Хочу заставить Киру визжать и потерять то серьезное, спокойное выражение лица, которое всегда при ней. Я хорош в постели. Я знаю, что смогу доставить ей удовольствие.

Мысль о том, как недоступная Кира кончает, откинувшись в моих объятиях, заставляет мой член напрячься, приходится потереть его рукой через кожу бриджей, успокаивая боль. У меня уже давно не было женщины, и член моментально реагирует на мысль о том, чтобы снова погрузиться в тепло женского влагиалища.

– Вот ты где, – мурлычет чей-то голос.

С трудом подавляю стон раздражения, когда Аша неторопливой походкой входит в пещеру моей семьи. Моя постель ближе всего ко входу, что почти исключает возможность уединения. И уж точно не подходит для того, что у Аши сейчас на уме.

– Я занят, Аша, – твердо говорю в надежде, что она поймет. Отвернувшись, прячу подарок для Киры за пояс своих бриджей. Последнее, чего я хочу, чтобы кто-то вроде Аши увидел его раньше той, кому он предназначен.

– Хемало показывает одной из уродливых человеческих девушек, как красить кожу, – говорит она, а затем подходит ближе и кладет руку мне на грудь: – Хочешь, пойдем в мою пещеру?

Жестко убираю ее руку со своей туники. Когда-то я приветствовал настойчивое внимание Аши. Она была свободной и кокетливой, и я охотно предавался с ней утехам.

Пока она не нашла отклик в скромном Хемало, одном из кожевников племени. Аша была ненасытной и прыгала из одной постели одинокого охотника в другую, желая развлечься и получить удовольствие. Но резонанс означал, что у нее теперь есть пара и семья с тем... кого она не хотела. Их резонанс был не самым радостным событием, но я искренне желал им счастья. К тому же я вздохнул с облегчением. Аша может не на шутку раздражать, когда добивается того, чего хочет. Я рад, что она не моя пара.

Но ее ребенок умер всего через несколько дней после рождения, они с Хемало рассорились, теперь она пытается взяться за старое... вот только меня не интересует партнерша другого мужчины. И Аша больше не единственная молодая женщина в племени.

Она хватается меня за руку:

– Аехако, подожди.

– Я занят, Аша. Найди своего партнера, если хочешь секса.

Она раздраженно фыркает и шлепает меня по руке.

– Он меня не интересует. У нас нет детей. Почему я должна быть к нему привязана? – Она настойчиво следует за мной из пещеры моих родителей в главную пещеру племени. – Раньше тебе нравилось делить со мной меха.

– Меня интересует другая, – отвечаю я.

Аша ахает и, вцепившись в мою руку, тянет меня назад, пытаясь повернуть к себе лицом.

– Надеюсь, не одна из людей?

– А кто еще это может быть? – смеюсь я.

– Но они такие... уродливые.

Я закатываю глаза:

– Разве это имеет значение?

Я не считаю, что люди уродливы. Другие? Да. Загадочные? Определенно. Будь они столь же прекрасны, как рыба-кас с ее переливающейся чешуей, Аша все равно сочла бы их уродливыми только потому, что они ее соперницы. Над бедной Ашей нависла угроза. Раньше все молодые охотники племени были в ее распоряжении, а теперь остается только наблюдать, как они обретают пары. Конечно, она испытывает крайнее недовольство из-за своего ущемленного положения.

Аша надувает губы.

– Я скучаю по тебе, – пробует она зайти с другой стороны. – Аехако, пожалуйста.

Я бросаю уничижительный взгляд. Она впустую тратит мое время, пока Кира одна снаружи. Это редкий момент, когда я могу провести время с Кирой наедине, чтобы никто не стоял над душой.

– Мне нужно идти, – твердо заявляю я и поправляю подарок, спрятанный под одеждой. Аша окидывает меня любопытствующим взглядом, но отходит в сторону. Я бегу трусцой ко входу в пещеру, высматривая маленькую фигурку Киры. Люди едва достают мне до груди, а я даже не самый высокий мужчина в племени. Они – хрупкие существа, и меня беспокоит, что Кира снаружи одна.

На снегу есть следы, и я иду по ним из пещеры к ближайшему хребту, где в изобилии растут целебные травы Майлак. Они произрастают в небольшой долине, защищенной от пагубных ветров. Кира с хмурым выражением лица яростно обрывает листья.

Когда я подхожу, она оборачивается и смотрит испепеляющим взглядом. Неужели мне тоже от нее достанется? Ухмыляюсь про себя. Ее щеки залились тем необычным розовым цветом, который некоторые из са-кхуйи находят уродливым. Я же считаю его очаровательно-прекрасным. В ней так много интересных цветов: розовый и каштановый, а глаза, благодаря кхуйи, ярко-голубые.

– Привет, мой маленький друг, – кричу в знак приветствия.

– Я не твой друг, – бормочет она. – И не маленький.

Смешная.

– Тебе следует сорвать вон те листья интисара, – указываю на кусты. – Они полезны для зрения.

Женщина бросает на меня еще один свирепый взгляд.

Я не против. Предпочитаю сердитое выражение в ее глазах печали, которая так часто в них появляется.

– Я не нуждаюсь в травах для зрения, – заявляет Кира.

– Нет? – поддразниваю, подходя к ней, а затем выбираю другой куст. – Этот для потенции.

Она потрясенно смотрит на меня, румянец заливает щеки.

– Мне это, разумеется, не нужно, – гордо заявляю я. – Мой член может стоять на протяжении многих часов, не падая. Это, в основном, для пожилых мужчин или тех, кто долгое время болел.

Она издает сдавленный звук.

– Я не желаю слушать о твоём... пенисе, – женщина бросает на меня очередной злобный взгляд. – Может, тебе стоит обсудить его со своей подругой? Она выглядит заинтересованной.

– Ты что, ревнуешь? – Я доволен. Так долго пытался донести Кире, что хочу ухаживать за ней, но она давала мне отпор на каждом шагу. Она передумала? Я с восхищением люблюсь прекрасными каштановыми волосами, развевающимися на ветру, и представляю, как они рассыпаются по моей груди.

А потом мне снова приходится поправлять бриджи.

– Ревную? Ха! С чего бы это? Я уродлива, забыл? – Она постукивает по блестящей металлической ракушке, прикрепленной к уху: – Я слышала каждое слово из вашего разговора!

Я расплываюсь в восторженной улыбке. Она слышала наш с Ашей разговор и ревнует! Хорошая новость! Возможно, Кира не так уж и равнодушна ко мне. Пришло время преподнести ей мой подарок.

КИРА

– Но они такие уродливые.

– Разве это имеет значение?

Эти слова звенят у меня в ушах, пока я срываю листья с одного из зимних растений. Придурок. Придурок. Придурок. Подумать только, ему плевать, как я выгляжу, главное, чтобы он меня трахал.

– Почему бы тебе просто не вернуться в пещеру и не оставить меня в покое?

– Как я могу оставить тебя одну? – в голосе Аехако звучат те дразнящие нотки, от которых внутри все трепещет... и в то же время хочется ему врезать. Он кладет свою ладонь мне на руку. – Ты так яростно обрываешь эти растения, что если я сейчас уйду, то потом обнаружу весь холм голым, – подшучивает он. – Майлак будет очень недовольна.

Свирепо смотрю на него, но перестаю обрывать куст, попавшийся под горячую руку. Он прав – я сорвала гораздо больше листьев, чем следовало бы, но этот мужчина чертовски меня расстроил.

– Я оставлю кусты в покое. Ты можешь идти.

Конечно, он не уходит. Вместо этого протягивает руку и касается моего переводчика. Когда Аехако проводит пальцами по мочке уха, где тот закреплен, я с трудом сдерживаю дрожь.

– Эта штука причиняет тебе боль?

– Она не доставляет мне удовольствия, – а вот его прикосновение доставляет. Большой палец теплом ощущается на моей коже, от чего мурашки пробегают по рукам. – Она тяжелая, и мешает мне спать. К тому же на морозе становится холодной, а еще я слышу все разговоры на милую вокруг.

– Ты можешь ее вынуть? Хочешь, я попробую?

Инстинктивно отстраняюсь. Волна жутких воспоминаний накрывает меня, и я плотнее кутаюсь в свои меха.

– Они вживили переводчик хирургическим путем. Я пыталась вытащить его сама, но он слишком глубоко. Боюсь, что просто придется с ним смириться.

Могло быть и хуже. Они могли изнасиловать меня, как сделали с Джози. Они могли забрать моего ребенка, как поступили с Меган.

– Я хочу помочь тебе, – тихо говорит Аехако, без ноток поддразнивания в голосе.

Слабо улыбаюсь ему:

– Это мило с твоей стороны, но я в порядке. Правда.

Бросаю смятые листья в кожаный мешочек. Он прав, я выжала из бедняг все соки, даже не знаю, стоит ли отдавать их Майлак. Они выглядят довольно измученными.

– Ты злишься на меня, не так ли, Грустные Глаза? Я что-то не то сказал или сделал? – парень наклоняется ближе, и я улавливаю его запах. Веет ягодами, которые в племени используют вместо мыла, и немного потом... приятно пахнет. – Я хочу заставить тебя улыбнуться, а не вызвать на твоём лице ещё большую печаль.

– Я в порядке, – обманываю я, хотя его недавний разговор с женщиной са-кхуйи все ещё причиняет боль. Для меня имеет значение, находит он меня привлекательной или нет. Я всего лишь человек – ха!

– Ты не в порядке.

– А тебе нравится мне этим тыкать, – выпаливаю я, а потом мысленно содрогаюсь от двусмысленности. Уфф, ну почему я вечно возвращаюсь к этой теме.

– Что это означает? Я не понимаю, – он наклоняет голову. – Разве «в порядке» – неверное слово? Раахош говорит, что не понимает и половины из того, о чем болтает Лиз, поэтому я беспокоюсь, что наш языковой барьер больше, чем мы думали.

– Не бери в голову, – быстро отвечаю я и отступаю, потому что он близко, слишком близко, до дрожи. – Думаю, Майлак требуется больше чайных листьев, – спешно удираю к следующему кусту.

– «В порядке» означает... аах, – он смеется и следует за мной. – Ты слышала мой разговор.

Я молча пожимаю плечами.

– Ты слышала меня, и твои чувства задеты. Ты решила, что я не нахожу тебя привлекательной.

– Вовсе нет, – беспомощно лгу, отворачиваясь. Боюсь, что все эмоции написаны на лице, а он видит меня насквозь.

– Ммм. Разве? Тогда посмотри на меня, Грустные Глаза, и скажи это ещё раз.

Не оборачиваясь, срываю несколько листьев с нового куста, это немного отвлекает и успокаивает.

– Посмотри на меня, Кира, – велит он.

Украдкой поднимаю взгляд. Странно, что меня так влечет к инопланетнику. Там, на Земле, у меня не было отношений. Я из тех девушек, которые остаются невидимками для парней. Не одеваюсь сексуально, не флиртую, редко пользуюсь косметикой. Прямые волосы скучного каштанового цвета, а лицо слишком вытянуто, чтобы считаться красивым. Из меня никудышный собеседник. Я девственница не потому, что берегу себя до брака. Я девственница, потому что скучная и несексуальная. Обычно мне на это наплевать. Но Аехако? Он такой мужественный и потрясающий! Один из немногих са-кхуйи, у кого коротко подстрижены волосы, эта стрижка открывает лицо и привлекает внимание к широкой, красивой улыбке и огромным рогам, обвивающим голову. Защитные гребни на лице также более заметны, чем у остальных мужчин, отчего черты, особенно нос, кажутся грубее. Но у него такая очаровательная улыбка! Просто невозможно не счесть его привлекательным. К тому же этот парень высокий и муску-

листый, плотного телосложения, не худощав, как Раахош, а его бледно-голубой оттенок кожи мне кажется... интригующим.

Сказать, что он заставляет меня трепетать от волнения, было бы сильным преуменьшением. И я ненавижу его за то, что не вызываю ответных чувств. Приходится снова отводить взгляд.

– Мне все равно, считаешь ты меня уродливой или нет.

– Я вовсе так не считаю, – вкрадчиво шепчет Аехако, и я ощущаю жар большого тела, когда он снова подходит поближе. – Я не стал спорить с Ашей, потому что хотел отделаться от нее.

Значит, он считает меня хорошенькой? Дрожь пробегает по телу. Прочь эти мысли! Не имеет значения, находит ли он меня привлекательной. Не стоит вводить его в заблуждение, если я не хочу остаться с разбитым сердцем. Я бесплодна. Он ни за что не найдет во мне отклика. Флиртовать мы можем сколько угодно, но это ни к чему не приведет.

– Мы просто друзья, – чувствую, что звучит неискренне... А он наклоняется еще ближе.

– Если мы просто друзья, почему тебя это так волнует?

– Совсем не волнует, – протестую я. Оглянувшись, вижу его лицо всего в нескольких сантиметрах от моего. Это снова вызывает странный трепет в животе. – Почему... почему ты подходишь так близко?

Уголок его рта растягивается в сексуальной ухмылке.

– Потому что ты продолжаешь отступать, – он наклоняется. – И мне нравится твой запах.

– Аехако, – говорю я мягким голосом. Нельзя давать парню надежду. Он имеет право знать, что флирт со мной ни к чему не приведет. Сейчас объясню, что следует приберечь свое внимание для женщины, которая когда-нибудь сможет стать его настоящей парой. – Послушай... – Я прерываюсь на полуслове, потому что он ищет что-то под своей туникой. – Что ты делаешь?

– Дарю тебе подарок в знак ухаживания, – он вытаскивает что-то длинное и толстое, завернутое в кожу, и протягивает мне.

– Подарок? – глубоко тронутая вниманием, с интересом принимаю я. У нас, людей, почти ничего с собой не было, и я постоянно чувствую себя нахлебницей из-за всех вещей, которыми с нами делятся добрые са-кхуйи. Теперь он еще и подарок мне делает?

– Подарок в знак ухаживания, – подчеркивает парень. – Я очень усердно над ним работал.

Подарок в знак ухаживания? Это такая традиция у са-кхуйи?

Не стоило бы принимать его, но любопытство победило скромность. И вот я держу предмет длиной около тридцати сантиметров и толщиной с бейсбольную битку. Медленно разворачиваю его... а потом пялюсь, вытаращив глаза. Не может быть... – Это твой, эм, пенис?

Он гордо кивает:

– Это очень точная его копия. Я упорно трудился, чтобы он выглядел правдоподобно... Правда, остальные считают, что я спянул, потому что часами пялился на свой член, пока строгал подарок, – он пожимает плечами. – Тебе не нравится?

Это же фаллоимитатор. Я смотрю на него со смесью ужаса и недоверия. Он сделан из кости, и... вызывает ужас мысль о существе с такими... широкими костями. О боже, я краснею. Он и впрямь, толстый и длинный. Это просто не может быть точной копией члена. Но тяжелая головка на конце и вены, проступающие по всей длине этого, эм, хозяйства, не оставляют сомнений. Это определенно пенис. На макушке есть наросты, похожие на гребни, как на лице и больших мускулистых руках Аехако. Он даже яйца приделал, и что-то подозрительно похожее на мизинец, выпирающий над членом.

Боже милостивый, это, должно быть, и есть та самая «шпора», о которой упоминала Лиз. Я думала, она издевается над нами.

Оказывается, нет.

Я толкаю эту... штуку обратно к нему:

– Я не могу это принять!

На мгновение кажется, что он разозлился. Улыбка исчезает с лица, и оно принимает свирепое выражение.

– У тебя кто-то есть? Неужели твое сердце уже занято?

Я слегка качаю головой.

– О чем ты говоришь? – я совершенно сбита с толку, но продолжаю толкать фаллоимитатор обратно к нему.

Он хмурит брови и упирает руки в бока.

– Разве это не подходящий подарок в знак ухаживания?

– Люди не делают таких подарков!

– Но Лиз... – он замолкает, когда осознает все произошедшее.

– Я убью ее, – зловеще говорю я.

Вместо того чтобы рассердиться, Аехако запрокидывает назад свою большую рогатую голову и разражается смехом. Он хватается за живот, невероятно развеселившись. Я рада, что хоть одному из нас пришлась по душе эта шутка. Понятия не имею, как мне себя вести.

– Возьми это обратно, – я протягиваю подарок.

Он поднимает руку и качает головой, все еще посмеиваясь:

– Ну уж нет, это был знак ухаживания, и я намерен ухаживать за тобой, мой человек с грустными глазами. Оставь его себе, – он поигрывает бровями. – Или ты предпочитаешь увидеть оригинал?

– Я... что? Нет! – я брызгаю слюной. – Не хочу смотреть на твой пенис!

– Уверена? Он довольно хорош. Взгляни еще раз на копию! – рекламным жестом он указывает на фаллоимитатор. – Я смог бы доставить тебе удовольствие, я весьма неплох в постели.

– Даже слышать не хочу о твоих сексуальных подвигах, – шиплю я и заворачиваю эту штуку в кожу, потому что будь я проклята, если стану размахивать огромным членом, идя через всю пещеру, ведь Аехако, похоже, не собирается его забирать.

– Нет? – на мгновение он выглядит расстроенным. – Как же тогда человеческие мужчины ухаживают за женщинами, которые им нравятся?

– Уж точно не фаллоимитаторами. Они одаривают подруг цветами, конфетами, поцелуями и все такое.

Он скрещивает руки на груди.

– Мне показалось, ты сказала, они не дарят подарков.

– Поцелуй – это не подарок!

– А что?

Озадаченно смотрю на него, хлопая глазами. Он не знает, что такое поцелуй? Он что, шутит?

– Это такая уловка, верно? – я гляжу на него с подозрением. – Я расскажу тебе про поцелуй, потом ты будешь настаивать на наглядной демонстрации, и не успею я опомниться, как мы уже целуемся всасос.

Пока я говорю, он хмурит брови и, очевидно, понятия не имеет, о чем идет речь.

– Засос?..

– Прекрати это! – я злюсь на него и Лиз за то, что они, похоже, сговорились против меня. – Не могу поверить, что Лиз рассказала тебе о фаллоимитаторе, но не о поцелуе.

– Так они похожи? – в его глазах появляется блеск.

– Закроем эту тему, – я отхожу к кустам. – Тебе лучше уйти.

– Почему тебе так трудно поверить, что я хочу быть с тобой, Кира? – Он, как всегда решительно, подходит ближе, большая рука касается моего плеча. Мне требуются все силы,

чтобы не поддаться этому легкому прикосновению. Я так изголодалась по любви и взаимности, что борюсь с собой, чтобы не сбросить трусики только потому, что Аехако являет некоторую стабильность в этой странной новой жизни.

– Потому что мы не нашли отклик друг в друге, – устало отвечаю я. И мы никогда его не найдем, потому что мое тело не способно выносить ребенка, как бы сильно этого ни хотела ни я, ни парень, стоящий рядом.

– Разве мы не можем наслаждаться тем удовольствием, что предлагают нам наши тела? – он наклоняется ближе, и я чувствую жар большого тела, но не осмеливаюсь смотреть в его сторону. – Разве мы не можем познать радость прикосновения друг к другу?

– И что потом? Что произойдет, когда ты или я найдем отклик в ком-то другом?

Он небрежно пожимает плечами:

– Жизнь продолжится, и мы отпразднуем создание новой пары.

И никто не расстроится? Ни ревности, ни жгучей обиды, ни зависти, что кто-то другой заполучил твоего возлюбленного? Мне трудно в это поверить, но подержу мысли при себе. Видимо, он смог бы отключить чувства, как по щелчку, но я-то знаю, что устроена иначе. Если соглашусь встречаться, то захочу настоящий роман. Чтобы между нами были серьезные отношения, а не секс по дружбе. Я хочу быть любимой и любить в ответ. К несчастью для меня, все, что может предложить Аехако, – это быть моим секс-приятелем.

– Мне это не интересно, – лгу я и окидываю его тем самым «Серьезная-Кира-Говорит-Совершенно-Серьезно» взглядом. – Так что можешь оставить эту затею прямо сейчас.

Аехако вздыхает и слегка качает большой головой.

– Мы еще поговорим, Грустные Глаза. Я не откажусь от тебя, даже если ты сама от себя отказалась, – он проводит пальцем по моей щеке и уходит.

Кожу покалывает от этого легкого прикосновения, а я стою в одиночестве, преисполненная ноющего желания.

Почему я? Почему я должна быть самой невезучей девушкой на свете?

Уверена, что, если уступлю этому притяжению и заведу отношения с Аехако, именно в этот момент он найдет отклик в другой женщине. И я останусь одна. Снова.

Только когда мужчина уже уходит на приличное расстояние, я замечаю, что все еще держу в руках завернутый фаллоимитатор.

– Подожди, – кричу я. – Забери его обратно!

Парень игнорирует меня.

Я остаюсь снаружи до тех пор, пока могу выносить холод. Затем, с шелушащимся от ветра лицом, и с полной сумкой трав в обмороженных пальцах, наконец возвращаюсь в пещеры. Фаллоимитатор непристойно торчит из сумки, потому что я еще не решила, что с ним делать. Серьезно, ну он же огромный, ни у одного парня не может быть такого большого члена. Не то чтобы я была экспертом по членам... Сначала у меня возникла мысль закопать его в снег, но зная, сколько времени и усилий вложил в подарок Аехако... нет, это неудачная идея. Кроме того, оставшись в одиночестве, я, возможно, захочу изучить эту штуку поподробнее.

Я направляюсь внутрь, отогревая пальцы дыханием. Перчатки здесь нужны в первую очередь, как и снегоступы. Откровенно говоря, нам нужно всего понемногу: лифчики, трусики, и я содрогаюсь при мысли, каково будет, когда у меня снова начнутся месячные. Их не было в прошлом месяце, но мой цикл никогда не отличался регулярностью. Слава богу, что в этом племени носят кожу, из нее после специальной обработки может получиться отличная пара трусов. Не хватает многих привычных вещей, но мы не в том положении, чтобы капризничать. Повезло уже, что можно поесть и обогреться.

В главной пещере тихо, хотя я замечаю нескольких людей, отдыхающих в бассейне. Днем большинство мужчин охотятся поблизости на мелкую дичь или занимаются ремеслом. Джози рассказывала, что пещера Кашрема, мужа Майлак, находится неподалеку, он использует ее для выделки кожи, и там так воняет, что не выдерживает даже наше притупленное обоняние.

Вход в пещеру целительницы закрыт кожаной занавеской, поэтому, постучав, жду снаружи.

– Майлак?

– Кей-сах, – отзывается она.

– *Входи*, – шепчет мне на ухо переводчик.

Войдя, я вижу, что са-кхуйи не одна. Меган лежит на коврике перед целительницей, а трехпалые руки Майлак покоятся на ее животе. Глаза Майлак неистово пылают, что, как мне говорили, происходит во время глубокого погружения в лечение. В углу маленькая дочка целительницы, Эша, играет с парой костяных игрушек.

– Ой. Я не вовремя? – спрашиваю я по-английски, потому что мы все еще не знаем языка са-кхуйи.

– Все в порядке, – отвечает Меган, нежно улыбаясь. – Я попросила Майлак проверить меня и все такое. Чтобы убедиться, ну знаешь... что все мои органы работают нормально и что маленькие зеленые человечки ничего не повредили.

После аборта? Ох, я даже не подумала об этом. Сажусь на край коврика. Майлак, застенчиво улыбнувшись мне, продолжает свою работу, нежно прижимая руки к животу Меган. Ее двухлетняя малышка замечает меня и весело лепеча топает в мою сторону.

– *Перевод отсутствует*, – вещает наушник.

Конечно, это же детский лепет. Я улыбаюсь и протягиваю руки Эше, она бесстрашно залезает ко мне на колени. Маленькая синяя ручка тут же тянется к моему лбу и потирает его, исследуя различия между ее защитными наростами и моей гладкой кожей.

– Я собрала травы и решила их занести, – объясняю я. – Она ничего не обнаружила?

Меган пожимает плечами, но не встает.

– У нас языковой барьер, но до сих пор в ужас она не приходила.

– Это хорошо, – соглашаюсь я, с трудом сдерживая смех, когда Эша оттягивает мою губу и рассматривает ровные зубы. У нее самой маленькие острые клыки.

– Эша, – зовет Майлак и слегка качает головой.

– Все в порядке, – слегка покачиваю ребенка. – Я не возражаю.

Люблю детей. Знаю, Лиз жаловалась, что не готова стать мамой, а Джорджи никогда не думала о детях, но я думала и думаю о них постоянно. Возможно, потому, что никогда не смогу завести ребенка.

Майлак легонько похлопывает Меган по животу, и неистовый блеск ее глаз смягчается.

– *Готово*, – говорит Майлак на своем языке, и переводчик автоматически подключается.

– Она закончила, – перевожу я для Меган, смотрящей на меня в ожидании.

– Я в порядке? – спрашивает Меган у Майлак. Усевшись, она прикладывает руки к животу и изображает баюкающие движения, намекая на ребенка. – Все ли работает как нужно?

Целительница кивает и начинает быстро говорить, указывая на живот Меган, а затем смотрит на меня. Са-кхуйи знают, что я умею переводить.

– *Недавно твоей утробе нанесли рану*, – говорит Майлак. – *Когда-то там был ребенок, но его больше нет. Твое кхуйи сейчас занимается исцелением, оно уже почти окончено, и когда это произойдет, нет никаких причин, по которым ты бы не смогла выносить ребенка, как любая другая женщина. Подожди еще один оборот Маленькой Луны и сама все увидишь.*

Я перевожу для Меган и вздрагиваю, когда цепкие ручки Эши, нащупав мой переводчик, тянут за него. Осторожно высвобождаю прибор из маленьких пальчиков, завидуя улыбке облегчения на лице Меган.

– Я так рада это слышать. – Она жестом указывает на целительницу: – Хочешь, чтобы она и тебя посмотрела? Узнаем, есть ли причина, по которой ты не находишь отклика?

Прикусываю губу, а затем качаю головой:

– Я и так знаю.

– И в чем же дело? – она смотрит на меня, широко раскрыв глаза.

Я колеблюсь. С одной стороны, боюсь рассказать об этом, а с другой – чувствую острую необходимость поделиться своим несчастьем. Хочу, чтобы кто-нибудь понял, почему я сама не своя.

– Когда мне было тринадцать, у меня лопнул аппендикс, это привело к заражению нескольких органов. Я чуть не умерла и долго лежала в больнице, а когда мне стало лучше, врачи сказали, что я не смогу иметь детей, – я пожимаю плечами. – Знаю, что не найду отклика, потому что бесплодна.

Выражение сочувствия в глазах Меган причиняет мне боль. Она переводит взгляд на Майлак, которая не в состоянии понять наш разговор.

– Может, пусть она посмотрит? Может быть...

Я качаю головой и осторожно прижимаю к себе Эшу, разглядывая маленькие рожки, торчащие из ее головки. Пока что они почти незаметны, но позже вырастут и начнут выступать.

– Что есть, то есть. Боюсь, что они вышвырнут меня, как только узнают правду.

– Я никому ничего не скажу, – горячо заверяет Меган. – Даю слово.

– Спасибо, – слабо улыбаюсь ей.

Меган улыбается в ответ, а затем выражение лица меняется, и она начинает смеяться.

– Эм, ни о чем не хочешь нам рассказать?

Я в замешательстве от ее вопроса, но тут и Майлак принимается хихикать.

– Эша!

Оборачиваюсь и вижу, что ребенок нашел... подарок от Аехако и изучает его с большим интересом.

– О господи, – бормочу я и, забрав его у малышки, снова заворачиваю в кожу. – Аехако подарил мне это.

– Ну, да – поддразнивает Меган.

– Вини в этом Лиз. Она сказала ему, что именно так человеческие мужчины ухаживают за женщинами.

– Ооо, романтика нарастает? – она складывает ладони вместе. – Это так здорово.

Качаю головой:

– Это ни к чему не приведет. Я никогда не найду отклика. Откуда мне знать, что завтра он не найдет отклик у тебя? Или Джози? Или Клэр?

Тогда меня снова бросят – история моей жизни. Каждый раз, когда я встречаю парня, что уже само по себе редкость, и у нас начинаются отношения, я чувствую себя обязанной сообщить ему, что не смогу иметь детей. А поскольку я не вступаю с парнями в интимную связь, их интерес угасает. Я – не девушка для серьезных отношений. Я – короткая и не очень-то веселая интрижка, пока они не встретят того, с кем захотят провести остаток дней.

И это никогда, никогда не буду я.

На этот раз сочувственный, полный жалости взгляд Меган меня беспокоит.

– Что есть, то есть. Вот, – я открываю сумку, чтобы перевести разговор. – Я принесла тебе травы, Майлак.

На протяжении следующих дней все спокойно. Люди усердно работают. Джози решила, что хочет научиться готовить, а Тиффани настойчиво пытается превратить шерсть двести в

пряжу. Меган вместе с Майлак ухаживает за травами около пещер, а Харлоу скоблит шкуры. Клэр прячется то тут, то там со своим инопланетным бойфрендом и присматривает за детьми са-кхуйи, когда их родители заняты.

Все занимаются делом, включая меня. В нескольких днях пути отсюда есть «Большое соленое озеро», его гранулированная соль очень ценна, и я пытаюсь выяснить, как засолить или закоптить мясо, чтобы оно хранилось дольше. А поскольку мясо тоже на вес золота, то беру самые невкусные кусочки, которые не нравятся людям, и экспериментирую с ними. Но даже это кажется расточительным. Один из складов замороженного мяса погребла снежная лавина, и племя беспокоится, что еды не хватит на всех, когда станет «действительно холодно». Появились лишние рты, беременные женщины и много тех, кому нужна одежда, так что нет времени бездельничать. Поэтому мы все существуем в рабочем режиме.

Последнее время я совсем не вижу Аехако. Он охотится, и что странно, я истосковалась по его флирту и смеху. Я говорю себе, что не должна, но...

Все остальные, кажется, прекрасно вписались в племя... кроме меня. Чувствую себя такой одинокой... Возможно, потому, что все мои близкие подруги нашли свою любовь. Ненавижу себя за то, что завидую, когда вижу, как Вектал кормит Джорджи кусочками мяса или как Лиз с Раахошем проводят много времени на охоте, потому что это возможность побыть наедине. Я даже завидую Ариане, потому что Золая изо всех сил пытается заставить ее улыбнуться.

Единственным, кто у меня остался, был Аехако, но я прогнала его.

Мужчины охотились всю неделю, и в пещерах было тихо. Когда Аехако, вернувшись с охоты с новыми мехами, подмигивает мне, я вспыхиваю от смущения. Особенно сложно держать себя в руках, когда он утверждает, что сберег эти шкуры, чтобы я сшила себе плащ. Какой же он заботливый!

А потом я вспоминаю фаллоимитатор во всей его красе и снова смущаюсь.

В тот же день возвращаются Лиз и Раахош с санями, полными мяса для племени, и остаются на ночь. Вместе с ними идет Кэшол, один из многих одиноких охотников са-кхуйи. Обнимаемся с Лиз, радуясь встрече. Она выглядит здоровой и светится от счастья и любви к своей половинке.

– Как проходит охота? – спрашиваю я, улыбаясь. – Твой приятель хорошо тебя кормит?

Она смеется в ответ и отходит в сторону, пропуская Кэшолу, который несет на плечах тушу двисти в пещеры на обед. Кто-то направляет его в женскую пещеру, вероятно, потому что там Тиффани изо всех сил старается сотворить что-нибудь с шерстью двисти. Лиз смеется, снова привлекая мое внимание.

– Боже, да. Когда мы не трахаемся, как кролики, мы едим. Много едим, – она похлопывает себя по животу. – Раахош полон решимости заставить меня округлиться пораньше.

Инопланетник со шрамами наклоняется и целует свою пару в макушку.

– Я должен пойти поприветствовать своего вождя, – он направляется в сторону Вектала.

Лиз провожает его собственнической улыбкой, а затем поворачивается ко мне:

– Как дела? Как жизнь в переполненных пещерах?

– Здесь многолюдно, – соглашаюсь я. – Мы практически ходим по головам. Местные поговаривают о том, чтобы снова открыть вторую пещеру через пару лет, как только все дети появятся на свет.

– Правда?

Я киваю.

– Очевидно, неподалеку у них когда-то была вторая пещера, поменьше, но после эпидемии болезни кхуйи все перешли в одну.

– Так почему не открыть ее снова? – Лиз держит меня за талию, когда мы направляемся в женскую пещеру, чтобы присесть.

– Потому что не уверены, хватит ли у нас припасов, чтобы прокормить две пещеры, – объясняю я. В последнее время об этом много говорят. – В хорошую погоду до второй пещеры можно дойти за полдня, а в плохую добраться невозможно. Местные опасаются, что зимой кто-нибудь может умереть с голоду. Поэтому пока что мы останемся здесь и посмотрим, как пойдут дела.

Мысли о второй пещере вызывают во мне двойкие чувства. С одной стороны, было бы неплохо иметь возможность уединения, а с другой... я беспокоюсь, что это обернется ситуацией «отправим всех отвергнутых подальше», в которой не хочется оказаться.

– Я не против тесноты, – добавляю я через мгновение. – Я...

По пещере эхом разносится пронзительный крик. Переглянувшись, мы с Лиз мчимся в женскую пещеру, откуда раздался звук.

Оказавшись на месте, видим, как Меган обнимает Кэшол за шею, а он прижимает ее к себе, подхватив и уткнувшись лицом. Ноги Меган болтаются в воздухе, она смеется и визжит, а потом до нас доносится *ОНА* – тихая мелодия резонанса.

– Вот дерьмо! – Лиз радостно хлопает в ладоши. – Вы двое только что нашли отклик друг в друге?

– Так и есть, – отвечает Меган, целуя в щеку Кэшол и приводя его в замешательство. – Ты в порядке?

– Моя пара, – благоговейно произносит он, а затем снова кружит Меган. – Моя пара!

Она покрывает его лицо поцелуями, а затем чмокает в губы, чем полностью сбивает его с толку.

К тому времени у входа в пещеру уже собирается толпа, но Меган и Кэшол не обращают на окружающих никакого внимания. Она смотрит мужчине в глаза, преисполненная счастьем, а он не может насытиться прикосновениями. С тем же успехом нас могло бы и не существовать. Мурчание в пещере такое громкое, что тишина в моей груди ощущается болезненно.

– Это хороший день, – произносит Вектал позади нас. – Наше племя продолжает расти и процветать.

– Эй! – восклицает Лиз, когда Кэшол начинает развязывать шнурки на своих штанах. Меган в каком-то забвении, целует парня с таким энтузиазмом, что становится неприлично смотреть. – Я думаю, мы должны оставить их наедине.

Джорджи шагает вперед, расталкивая зевак, и задерживает занавески над входом в женскую пещеру.

– Давайте оставим их одних, – весело говорит она. – Большинство мужчин вернулись с охоты, и у нас появились хорошие новости, я считаю, нам следует это отметить.

Несколько радостных возгласов эхом разносятся по племенным пещерам, и начинается болтовня, заглушающая резонанс счастливой пары. Я отохожу, чувствуя себя немного потерянной и одинокой. Я должна порадоваться за Меган. Я должна. Что-то заставляет оглянуться, и я вижу Аехако, наблюдающего за мной. Сердце ноет еще сильнее, оттого что мне нельзя быть с ним.

АЕХАКО

В нашем племени употребляют перебродивший чай под названием сах-сах, в приготовлении которого Кашрем, муж Майлак, настоящий эксперт. Пахнет он как задница птицы-серпоклюв, но на вкус приятный, обжигает язык и дарит полное расслабление. Во время праздника племя откупоривает один кожаный пузырь с сах-сах за другим, все пируют, смеются и радуются. Старая Кемли со своей парой Борраном достают барабаны и флейты, и веселая музыка наполняет пещеру. Она заглушает звуки страсти, которые свежиспеченные резонансные партнеры издают, уступая требованиям кхуйи.

Фарли, дочь Кемли, еще совсем подросток, достала свои краски и разрисовывает причудливыми символами кожу любого, кто высидит достаточно долго, позволяя ей это сделать. Фарли занимает особое место в моем сердце, поэтому я одним из первых пал жертвой ее милой просьбы. Получив согласие, она рисует спирали на моих рогах и размашистые символы на лице и груди. Старейшины улыбаются – в свое время са-кхуйи часто украшали свои тела по случаю спаривания, и им нравится видеть, как этот обычай возрождается.

Люди тоже в восторге от этой затеи, и я наблюдаю, как Джохси рисует синие фигуры на своей бледной коже. Кира сидит рядом и наблюдает грустными глазами. Улыбка бродит на ее губах, но не достигает глаз. Ее глаза редко улыбаются. Время от времени женщина мельком бросает на меня взгляд, а затем быстро отворачивается. Даже посреди торжества она кажется одинокой.

– Можно мне это взять? – спрашиваю я, протягивая руку за баночкой с красной краской. Фарли и Джохси хихикают над полосками, которые рисуют; красный цвет остается не использованным.

– Конечно, – отвечает Фарли. – Собираешься кого-то разрисовать?

Я киваю на Киру:

– Кажется, ей не помешало бы немного развлечься.

Джохси ухмыляется. Она ни слова не понимает из нашего разговора, но догадывается, о ком я говорю.

– Постарайся заставить ее улыбнуться. Она меня подводит.

– Подводит куда?

Джохси только хихикает:

– Не бери в голову.

Странные люди. Я подхватываю краску и пузырь сах-сах, но прежде, чем подойти к Кире, еще раз наклоняюсь к Джохси:

– Ты знаешь, что такое поцелуй?

Она кокетливо подмигивает:

– Клеишься ко мне, здоровяк?

Я улыбаюсь:

– Ты мне не по зубам.

Джохси снова смеется, и становится очевидно, что она уже достаточно выпила. Протягивая Фарли краску другого цвета, она закатывает один из своих меховых рукавов.

– И руки тоже!

Фарли, наметив узор, начинает рисовать яркие круги на коже девушки. Терпеливо жду ответа.

– Поцелуй... – задумчиво произносит Джохси. – Кажется, Джорджи с Векталом называют его спариванием ртов.

Ах. Я видел это собственными глазами. Когда Вектал думает, что никто на них не смотрит, он касается губами губ своей пары, и они сливаются вместе. Мне даже показалось, что он засовывает свой язык ей в рот, что интересно. Я и раньше доставлял партнерше удовольствие языком, но никогда через рот, и мне не терпится это попробовать.

Нахожу глазами Киру. Она скрывается в углу, в стороне от шумного племени, чтобы не путаться под ногами у желающих потанцевать под ритм барабанов. Ожидание ребенка и новый счастливый резонанс – это всегда повод для празднования. Не имеет значения, что новой паре негде обустроиться. Всегда найдется местечко, даже если нам придется спать в куче, лежа друг на друге.

Я бы не прочь полежать на Кире.

Пока я пробираюсь через оживленную пещеру, передо мной появляется Аша.

– Это для меня? – спрашивает она, видя пузырь сах-сах в моей руке.

– Нет, – прохожу мимо, игнорируя раздраженные звуки, которые она издает. Я направляюсь к забившейся в угол Кире. Женщина сидит на подушке, а рядом есть еще одна свободная. Отлично.

Человек бросает на меня недовольный взгляд, когда я падаю на соседнюю подушку.

– Мне не нужна компания.

– Тебе никогда она не нужна, Грустные Глаза, – я предлагаю ей сах-сах. – К счастью для тебя, от меня не так легко отделаться.

Кира нюхает напиток и морщит свой забавный, крошечный человеческий носик.

– Что это такое?

– Это... – я подыскиваю подходящие слова. – Обжигает живот и заставляет чувствовать себя хорошо? Так?

– Алкоголь, – поправляет она. Снова понюхав пузырь, она передает его мне: – Ты первый.

Я делаю большой глоток и морщусь от резкого вкуса, но мгновение спустя тепло разливается по телу.

– Крепкий.

Она забирает у меня сах-сах и немного отпивает. Ее маленькие губы касаются того места, где мгновение назад были мои, и меня пронзает вожделение. За Кирой непросто ухаживать, но я полон решимости.

Она морщится, но делает второй глоток.

– Это ужасно.

– Выпей еще. Вкус покажется лучше.

Она делает большой глоток, а затем кашляет, вытирая рот.

– Думаю, ты меня обманываешь.

– Возможно, я слегка преувеличиваю, – отказываюсь, когда Кира пытается вернуть мне сах-сах. – Оставь себе. Тебе не помешает немного выпить.

– Напиться, – поправляет она.

– Ваш язык сбивает с толку, – замечаю я и опускаю палец в маленький горшочек с красной краской. – В большинстве случаев ваши слова не имеют смысла.

– Ты не далек от истины. Пожалуй, нам стоит выучить ваш язык. Вернуться на главный корабль, о котором упоминала Джорджи, и получить «загрузку мозгов».

Под «главным кораблем», я полагаю, она имеет в виду пещеру старейшин. Люди заверяют, что это космический корабль, с которого высадились наши предки. Возможно, они правы, но мне все же странно думать о пещере как о корабле. Она снова отпивает и обводит взглядом танцующих в центре помещения. Несколько женщин со своими новоиспеченными резонансными партнерами веселятся вокруг теплого бассейна и наслаждаются общением. Остальные отдыхают неподалеку. Моего друга Золаю кормит лакомыми кусочками мяса его любящая пара.

– Они выглядят такими счастливыми, – тихо произносит Кира. – Я должна порадоваться за них, ведь так?

Должно быть, сах-сах быстро подействовал на нее, раз она заводит разговор со мной по собственной инициативе. Бросаю взгляд на остальных.

– Разве они не должны быть счастливы?

– Нет, конечно, должны, – она смотрит на меня своими грустными-грустными глазами. – Проблема во мне.

Обмакиваю кончик пальца в краску и провожу по ее маленькому носику, оставляя красную линию.

– Потому что тебя не радует их счастье?

Она косится на нос, приглядываясь к линии.

– Зачем ты на мне рисуешь?

– Это наш обычай. Во время праздников мы раскрашиваем себя, выражая свою радость. Печаль снова возвращается в ее глаза.

– Тогда тебе стоит приберечь краску для кого-нибудь другого.

– Глупости, – я слегка касаюсь ее подбородка, а затем оставляю две яркие полосы на нежных скулах. Кира молчит, наблюдая за мной. Так хочется пофлиртовать с ней, вызвать улыбку на ее маленьком личике, но она выглядит слишком несчастной, и любые мои шутки покажутся глупыми. Заканчиваю с узорами на лице, а затем снова опускаю палец в горшочек с краской и начинаю рисовать на нежной шее. Ее кожа такая мягкая, что мой член мгновенно начинает ныть. – Ты приносишь мне радость. Разве это не считается?

Ожидаю, что она, как обычно, закатит глаза, но вместо этого она становится еще печальнее.

– Ты должен отказаться от меня, Аехако. Обрати свое внимание на девушку, с которой у тебя может что-нибудь выйти.

– Выйти... что-нибудь? – очередная сбивающая с толку человеческая фраза. То, как эти люди используют слова, просто не имеет никакого смысла.

Кира лишь вздыхает, а я ловлю ее за подбородок прежде, чем она успевает отвернуться.

– Я узнал, что такое поцелуй, – довольно заявляю я. Это должно отвлечь женщину и стереть печаль с ее лица. Сейчас она отшатнется, даст отпор и упрекнет меня за то, что я снова с ней флиртую.

Вместо этого она скользит взглядом по моим губам. Ее губы слегка приоткрываются, лицо приближается к моему.

– Ох?

Я ни с чем не спутаю приглашение. Наклонившись, касаюсь губами ее губ. Не знаю всех деталей этого обряда, но уверен, что смогу разобраться в процессе. Если это напоминает оральные ласки, то просто буду следить за ее сигналами.

Губы Киры мягкие и нежные, и я непроизвольно представляю их на своей коже. При этой мысли мой член твердеет, как камень. Она прижимает свои маленькие губки к моим, а я замираю, не зная, как на это отреагировать. Вектал всегда выглядит так, будто пожирает свою женщину.

Но затем язык Киры касается уголка моего рта, и я раскрываюсь, чтобы впустить ее. Женщина берет на себя инициативу в поцелуе, это зачаровывает и возбуждает. Она хватается за тунику, а я притягиваю ее к себе. Человеческое тело такое хрупкое по сравнению с моим, коренастым и мускулистым. У нее нет ни рогов, ни защитных пластин, чтобы уберечь нежные части тела, эта уязвимость пугает меня.

Затем ее язык касается моего, и я напрочь забываю о ее хрупкости. Меня накрывает вожделение, и я осторожно провожу языком по ее языку. На вкус она как сах-сах, только более сладкая и вкусная. И ее язык гладкий и скользкий, в отличие от моего ребристого. Кира тоже осознает это, и тихий звук удивления срывается с ее губ.

Она не отстраняется, а, наоборот, тянется рукой к моему лицу и гладит по щеке, пока мы продолжаем целоваться. Слегка наклонившись, облизываю ее, повторяя ее движения. Кира не останавливается, и я продолжаю уже интенсивнее и смелее. Чувство, словно мы занимаемся сексом языками. Как я понимаю, именно это и нравится людям – поддразнивать языком, намекая на то, каким будет спаривание. Это кажется таким странным. Но это потрясающе.

Не могу оторваться. Теперь понятно, что люди в этом находят.

Через мгновение она отстраняется и смотрит на меня глазами, в которых горит пламя похоти.

– Пойдем, – бормочу я, наклоняясь и снова проводя языком по ее губам. – Остальные заняты празднованием, моя пещера свободна, у нас будет время побыть наедине. – Мне не терпится исследовать ее человеческое тело и узнать, что ей нравится.

Она быстро хлопает глазами, а затем качает головой.

– Нет, пока нет. Я... – ее голос прерывается, а глаза становятся стеклянными. Затем Кира касается серебристой ракушки, которая торчит из уха, и на лице появляется ужас.

Глава 2

КИРА

Они возвращаются.

Какая-то часть меня до последнего надеялась, что мы больше никогда их не увидим, что они забудут о грузовом отсеке, который бросили здесь, и дадут нам жить в мире с людьми Вектала. Что мы освоимся на новом месте, найдем положительные стороны жизни на этой странной планете и в конце концов забудем о наших похитителях.

Очевидно, моим мечтам сбыться не суждено.

Когда чирикающие голоса маленьких зеленых человечков раздаются в моем переводчике, все мое тело напрягается от нахлынувших воспоминаний. О том, как глубокой ночью меня похитили из собственной квартиры и я очнулась на хирургическом столе. Об ужасающей первой встрече с пришельцами и их недовольстве тем, что я не могу их понять. О том, как меня удерживали, пока вживляли в ухо переводчик. О жутких неделях, проведенных в грузовом отсеке, пропахшем нечистотами, в страхе издать малейший звук.

– Погодные условия на планете не идеальны. Извлечение оборудования должно быть отложено.

Это единственное, что я улавливаю, но и этого достаточно. Они возвращаются, чтобы забрать свои вещи.

А на мне до сих пор их переводчик.

Я задыхаюсь от ужаса и цепляюсь за Аехако.

– В чем дело? – он касается моего подбородка. – Кира?

Они найдут меня, и поскольку переводчик не достать из уха, они заберут меня вместе с ним. О боже. Я с трудом сдерживаю слезы.

– Уверен, мысль о том, чтобы провести время в моей пещере, не настолько ужасна, – его дразнящий и нежный голос возвращает к реальности. Я цепляюсь за сильные руки, крепко прижимаясь к нему.

Нельзя никому об этом рассказывать, остальные запаникуют. Голова идет кругом. Если они вернулись за переводчиком, думаю, мне не следует оставаться в племенных пещерах.

Мысли беспорядочно скачут в голове, и когда Аехако наклоняется за новым поцелуем, я автоматически отстраняюсь.

Он заметно мрачнеет.

– Значит, дело во мне? Разве ты не хочешь моего внимания?

– Я... все... не так просто, – я качаю головой. – Пожалуй, я пойду посижу у огня, хорошо? Быть может, счастливые голоса остальных заглушат накрывающий меня страх.

АЕХАКО

Что-то не так. Слежу за тем, как Кира встает и деревянной походкой направляется к костру в центре пещеры, как натянуто улыбается остальным. И хотя она сидит рядом с ними, заметно, что ее мысли не здесь. Человек отстраненно смотрит на огонь, на лице беспокойство.

Возможно, дело все-таки во мне. Возможно, мои попытки ухаживать выбивают ее из колеи. Расстроенный этим, я встаю и возвращаю краску Фарли. Празднование больше не радует. Наблюдаю за Кирой еще пару мгновений, и хотя она улыбается и беседует с остальными, совершенно ясно, что она встревожена и несчастна.

Меня еще никогда не отвергала женщина, с которой я сближался. Я делил меха с двумя женщинами моего возраста, и обе жаждали моего внимания, пока не обрели резонансную пару. Даже мама говорит, что я очарователен. И все же, этому маленькому человеку с грустными глазами не терпится сбежать от меня.

Расстроенный, передаю Фарли свой пузырь сах-сах и направляюсь в семейную пещеру. Приходится жить с родителями и братьями, потому что племенные пещеры переполнены. Но я не возражаю, все равно у меня нет пары, хоть я был бы не прочь провести время с Кирой в укромном местечке.

Добравшись до своей постели, обнаруживаю, что она не пуста. Аша уже там и недвусмысленно манит меня пальчиком. Это не то, что мне нужно сегодня ночью. Уставший, я тру лицо рукой, размазывая узоры, над которыми так усердно трудилась Фарли.

– Что ты здесь делаешь, Аша?

– Все заняты празднованием, – шепчет она, поглаживая рукой мою кровать. – Присоединяйся ко мне. Я по тебе скучала.

Я качаю головой:

– Иди, разыщи свою пару, Аша. Я не нуждаюсь в компании этой ночью.

Разумеется, это чистая ложь, если бы Кира появилась на пороге, я бы с радостью затащил ее в свои меха. Но у Аши есть партнер, и меня отталкивает пренебрежительное к нему отношение.

– Я не хочу его, – говорит она, надув губы. – Я хочу тебя.

– А я не хочу тебя, – объясняю я как можно мягче. Аша – мой старый друг, несмотря на то, что теперь она полна решимости испортить мне жизнь. – Наши кхуйи никогда не сольются, Аша. Перестань гоняться за прошлым.

Она встает, поправляя свое кожаное платье, и свирепо глядит на меня.

– Тот человек не хочет тебя, Аехако. Лучше получай удовольствие с тем, с кем можешь.

Я не смотрю, как она уходит. Ненавижу ее за то, что она права.

Следующим утром я наблюдаю за Кирой, сидя у центрального огня и обрабатывая кость. Хочу сделать игрушку для Эши. Малышка начала проявлять интерес к травам своей матери и теперь нужно что-то, что отвлечет ее внимание. Когда Фарли была маленькой, я вырезал для нее костяные кольца и аккуратно соединил их между собой. Девчонка была в восторге от их звона. Сделаю такую же погремушку для Эши. Я уже выбрал длинную бедренную кость двисти и начал над ней работать. Изготовление гремучей цепочки для ребенка – дело не быстрое, можно спокойно сидеть и наблюдать за людьми в пещере. Одна из них всегда привлекает мое внимание. Этим утром Кира сидит у главного огня, а не в своей пещере, значит, кого-то ждет. Ее отстраненность ранит меня, но любопытно посмотреть, кого она дожидается. Выглядит усталой, под глазами круги, а забавные яркие полосы, которые я вчера нарисовал, исчезли с лица. Два других человека сидят рядом, болтая, но она, кажется, их не слушает.

Однако, когда Вектал с Джорджи входят в пещеру, она оживляется. Ах, значит, ждала вождя. С любопытством прислушиваюсь, что она скажет.

Кира непринужденно здоровается с Векталом и Джорджи, а затем излагает свой замысел:

– Я бы хотела отправиться в пещеру старейшин.

– На корабль? – с любопытством спрашивает Джорджи. – Правда? Почему?

Кира выглядит смущенной. Она слегка касается серебристой ракушки в ухе.

– Хочу выяснить, смогу ли я удалить это. Если смогу, то мне нужно будет получить на корабле «языковую загрузку». Еще я размышляла, – она жестом обводит пещеру, – оглянитесь вокруг. Эта пещера явно не создана природой. Двери слишком гладкие, потолки слишком ровные. Я думаю, когда люди Вектала высадились здесь, они нашли какой-то способ обрабатывать камень. Хочу сходить на разведку. Быть может, нам удастся разобрать корабль и использовать его части, как инструменты. Нам потребуется больше пространства для всех.

Вектал потирает подбородок:

– Это хорошая идея.

– Мне понадобится один человек, который меня проводит, – быстро продолжает она. – Просто отправьте меня с одним из охотников, и я уверена, что сама смогу найти дорогу обратно...

Я встаю и подхожу прежде, чем она успевает закончить предложение, защитные инстинкты берут надо мной верх. Ее план – безумие. Люди ничего не знают ни об этой местности, ни о ее обитателях, ни о подстерегающей опасности. Кира ни за что не сможет вернуться обратно в одиночку. Я не допущу этого.

– Я отведу Киру в пещеру старейшин.

Человек удивленно на меня смотрит, но не протестует. Она поджимает губы и переводит взгляд на Вектала.

Это меня напрягает. Она так сильно хочет уйти, что готова терпеть мои заигрывания? Ее действительно что-то обеспокоило.

– Тебе следует взять больше людей, – инструктирует Вектал. – Другим тоже понадобится выучить наш язык.

Лицо Киры приобретает озабоченное выражение.

– Ох, в случае, если эта миссия окажется провальной и не принесет желаемых результатов, мне бы не хотелось попусту тратить время других людей. Правда, я в порядке.

– Мы можем собрать небольшую группу, – я предлагаю компромисс. – Как насчет трех охотников и трех женщин?

Вектал кивает.

– Когда вы отправляетесь в путь?

Перевожу взгляд на Киру.

Она очевидно расстроена.

– Мне бы хотелось как можно скорее.

– Значит, завтра на рассвете. Я поспрашиваю и узнаю, кто из охотников хочет присоединиться.

– Нам обязательно брать с собой двух людей? – Кира выглядит несчастной.

– А в чем дело? – интересуется Джорджи.

Кира быстро мотает головой и натягивает на лицо фальшивую улыбку:

– Просто не люблю впустую тратить чужое время.

Но дело не в этом. Она что-то скрывает. Я не знаю, что именно, однако намерен вытянуть это из нее.

Под давлением Кира соглашается взять с нами двух женщин: Харлоу и Клэр. Харлоу – та, что с оранжевой гривой и крапинками на теле. Я запомнил ее из-за необычной окраски. О Клэр я ничего не могу припомнить, кроме того, что она очень тихая, и что она, судя по всему, делит меха с Бекком всякий раз, когда у нее появляется такая возможность.

Бек, разумеется, тут же вызвался присоединиться к нашей группе. Без сомнения, он воспринял это как возможность провести время со своей возлюбленной вдали от тесноты пещер.

Я не виню его, по той же причине сам как тень хожу за Кирой. Кроме желания защитить, я втайне лелею надежду, что одна из кокетливых шуточек попадет в цель и Кира упадет в мои объятия.

Я не рад тому, что нашлись охотники, желающие пойти с нами. Их не волнует, что наша группа должна быть небольшой, для них главное – возможность провести время наедине с одинокими человеческими женщинами.

– В конце концов, – говорит Харрек, – разве не так Раахош заполучил свою пару? Он прятал ее, пока она не сдалась. – Охотник кивает в сторону женщин неподалеку, готовящих свои походные сумки: – Я бы не прочь провести время наедине с одной из них. Возможно, удастся убедить их кхуйи, что я готов обзавестись парой.

– Этот поход не для спаривания, – хмурюсь я.

– Нет? Скажи это Беку. Он считает малышку с тихим голосом своей собственностью, хотя они и не резонировали. Я лучше буду держаться от нее подальше, – он пожимает плечами. – Любая из оставшихся вполне меня устраивает. У той, что с ракушкой в ухе, красивые глаза.

Горячая волна ревности накрывает меня.

– Ты можешь пойти в следующий раз. Идет Хэйден, – обманываю я, и когда Харрек начинает возражать, добавляю: – Он должен проверить свои ловушки. – Уношусь прочь, взбешенный тем, что Харрек подумывает сблизиться с моей Кирой.

Он просто хочет себе пару, его не волнует, что у Киры грустные глаза или что она чувствует себя одиноко. Он ей не подходит.

Когда двое других охотников спрашивают меня про поход, я прикрываюсь тем же самым оправданием – наша группа укомплектована. А потом подхожу к Хэйдену и предлагаю ему присоединиться к нам. Мой угрюмый друг не в восторге от этой идеи.

– Ты выбрал меня? – интересуется он, затачивая камнем наконечник своего любимого копья. – Почему?

– Потому что, по моему мнению, ты единственный, кто не думает членом, когда дело касается человеческих женщин, – скрестив руки на груди, я наблюдаю за ним, стараясь, чтобы мой голос звучал естественно.

Он ухмыляется, глядя на меня:

– Ты имеешь в виду, что хочешь держать остальных подальше от той, которую ты выбрал. Я смеюсь, потому что Хэйден видит меня насквозь.

– Возможно. Но можешь ли ты винить меня за это?

Он бросает на меня угрюмый взгляд:

– Кто идет? Эта Джохси?

– Нет, она не идет.

– Хорошо, – он встает и сдувает пыль с наконечника своего копья: – Тогда я пойду.

– Ты хотел, чтобы она пошла? Я могу поговорить с Кирой... – мой голос срывается на смех, когда он бросает на меня хмурый взгляд. – Нет? Джохси безвредна.

– Она болтает без умолку, – резко говорит он, надевая защитный кожаный чехол на наконечник своего копья. – И ей совершенно не важно, хочу я слушать ее разговоры или нет.

Забавно.

– Возможно, если бы ты поговорил с ней вместо того, чтобы игнорировать, она бы поняла, какой ты неприятный тип.

– Возможно, мне следует сказать Харреку, что ты передумал.

Я поднимаю руки в знак капитуляции:

– Не нужно горячиться, мой друг. Так ты присоединишься к нам? Мы выдвигаемся на рассвете.

Он кивает.

– Но, если Джохси объявится, ты пойдешь без меня.

КИРА

Пока я собираю сумку, переводчик не оставляет шанса пропустить разговор Аехако с Хэйденом мимо ушей. Румянец заливает мои щеки. Он отказывает другим охотникам, потому что хочет быть единственным, кто проводит со мной время. Я польщена, хотя и говорю себе, что не должна так реагировать. Аехако не может претендовать на меня.

А мне бы так хотелось... чтобы он мог.

Но теперь, когда пришельцы возвращаются, думаю, хорошо, что я одинока.

Харлоу рядом со мной морщится, проверяя один из самодельных снегоступов.

– Думаю, этот скоро сломается. Дровесина недостаточно зеленая или, эм, розовая? – она снимает снегоступ и осматривает его. Он сделан из кожаных ремешков и дровеси́ны розовых, гибких, похожих на ресницы, деревьев, растущих неподалеку. – Мне нужна новая ветка. – Она поднимается, отряхивая свои кожаные штаны. – Девочки, хотите пойти со мной? Нам все равно нужно сделать еще одну пару для Клэр.

Решительно поднимаюсь, бросив сумку. Какая-то часть меня хочет продолжать подслушивать разговор Аехако, но я не должна этого делать.

– Я пойду с тобой. – У меня уже есть снегоступы, но Клэр редко покидает пещеру, поэтому у нее нет.

– Я останусь внутри, – заявляет Клэр своим тихим голосом и продолжает деловито упаковывать сумку. Беглого взгляда достаточно, чтобы заметить Бека неподалеку. Ага. Я надеваю меховой плащ и рукавицы, а затем беру костяные ножи для себя и Харлоу.

Мы выходим из пещеры и идем по заснеженной тропинке к густой роще розовых деревьев. Я слышу хруст шагов позади и понимаю, что один из охотников следует за нами. Сакхуйи всегда присматривают за людьми, не из дурных побуждений, а лишь потому, что мы ничего не знаем об этом мире. Они не хотят подвергать нас опасности.

Харлоу изучает растительность.

– Хотелось бы мне, чтобы у них были ветки, как у земных деревьев. Это бы облегчило задачу.

Я киваю, углубляясь в «лес». У некоторые́е из деревьев крона расщеплена на ветки, но в основном они прямые, со странными перистыми листьями. Деревья определенно выглядят, как большие ресницы, покрытые множеством более мелких.

– Тогда давай использовать молодые побеги? Их будет проще срезать.

Наши снегоступы – нехитрые конструкции, они представляют собой ветку, скрученную в форме капли и связанную крест-накрест ремешками, которые крепятся к ноге. Хорошая новость в том, что без особых навыков мы сможем легко смастерить еще одну пару.

Мы с Харлоу выбираем подходящее деревце. Оно немного ниже, чем хотелось бы, но, если срезать у корня, должно хватить для почти невесомой Клэр. Харлоу облюбовывает соседнее растение, и мы принимаемся за работу. Погода сегодня холоднее, чем обычно, с серого неба валят хлопья снега. Я беспокоюсь, что племя отложит наш поход, сочтя погодные условия неподходящими.

Мне нужно уходить. Чем скорее, тем лучше.

Я разгребая снег варежками в поисках корня. Раскопав достаточно глубоко, добираюсь до земли, которая имеет неожиданно голубоватый оттенок, и я удивленно провожу по ней пальцами. В очередной раз убеждаюсь, как сильно это место отличается от дома. Расчистив грунт, замечаю, что выкопала яму полметра глубиной, а мы находимся на склоне холма, значит, снег здесь не такой глубокий, как в других местах. Мгновение спустя обнаруживаю что-то белое и принимаюсь откапывать.

Корень этого дерева не в форме стержня, как я ожидала... а в форме уплотнения. Хм, похож на репу? При помощи ножа я взволнованно начинаю откапывать его, забыв о своей первоначальной задаче, и через какое-то время выкапываю луковицу размером с волейбольный мяч. Она белого цвета и пахнет древесиной. Когда я кладу свою добычу на снег, Харлоу подходит, чтобы взглянуть.

– Это что, картошка? – взволнованно спрашивает она.

– Не знаю. Как думаешь, это съедобно?

Местные едят только мясо.

– Я бы рискнула попробовать, – смеется она. – Раньше я была вегетарианкой, мне было сложно перестроиться.

Уверена в этом.

Мы срезали стебель для снегоступов, и я довольно несу его вместе с луковицей внутрь. Возможно, нам удастся внедрить на этой планете некоторые аспекты человеческой диеты и расширить наш рацион питания. Приятно греет мысль о том, чтобы внести свой вклад в жизнь племени, вместо того чтобы постоянно только брать.

Тем же вечером мы едим кусочки жареного корнеплода вместе с сырым мясом. Кемли – старейшина племени и эксперт по растениям – признала корень съедобным. Она недоумевает, зачем вдруг потребовалось это есть, но мы пробуем жареные ломтики, и я радуюсь, видя, как руки тянутся за добавкой.

Настроение падает, когда Аехако отводит меня в сторону.

– Не хочешь отложить поход? С каждым часом становится все холоднее.

– Что? Нет! Не глупи, все в порядке.

Он хмурит брови и кивает на вход в пещеру:

– Пойдем, я тебе покажу.

Доедаю свой кусок не-картошки и следую за ним. Резкий ветер обдувает меня у входа в пещеру, но подозреваю, что, если сейчас вернусь за плащом, это только убедит Аехако остаться. Так что, смирившись, я следую за ним, скрестив руки на груди.

Мы выходим на морозный воздух, и я замечаю, что после обеда выпало еще где-то полметра снега и стало заметно холоднее. Аехако проходит немного вперед, а затем поворачивается ко мне.

– Ветер изменил направление, – он указывает на небо. – Теперь дует с востока. – Инопланетник употребляет другое слово, но наушник переводит его как «восток». – Он обрушится на горы, а затем придет сюда и принесет еще больше снега.

– Ну и что? – я стараюсь казаться беспечной. – Здесь всегда идет снег. Какая разница?

Парень делает шаг в мою сторону. Выйдя из освещенной пещеры, мы погрузились в темноту, я инстинктивно жмусь к стене, чтобы укрыться от ветра, и совсем не возражаю, когда Аехако встает передо мной, заслоняя от холода.

– Люди такие хрупкие. Не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось во время похода, – он протягивает руку и убирает прядь волос с моего лица. – Возможно, ты сильна духом, но у тебя слабое тело.

– Слабое тело? – возмущаюсь, а затем шлепаю его по руке, замечая игривую улыбку. Он дразнит меня.

– Твои руки превратились в лед, – говорит он, беря мои пальцы в свои горячие ладони. – Даже твои кхуйи не может справиться с таким холодом, – он подносит мои руки ко рту, дуя на них теплым воздухом.

По какой-то причине это заставляет мои соски затвердеть. Его прикосновения нежны и заботливы, а дразнящие взгляды, которые он на меня бросает, кокетливы в духе Аехако.

– Мы должны выдвигаться в ближайшее время, – тихо говорю я. – Это необходимо.

– Тебя что-то беспокоит? – спрашивает он, растирая мои пальцы своими ладонями. – Не поделишься со мной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.